

«И возвращается ветер на круги своя».

Екклесиаст, или Проповедник,
гл. 1, ст. 6.

Полтора-два года назад казалось, что мир стоит на пороге далеко идущих перемен, природа и последствия которых с трудом поддаются анализу и прогнозированию. Глобальный экономический кризис, считали многие, приведет к масштабным, возможно, катастрофическим сдвигам во всей международной системе. В окружении Барака Обамы говорили о революционных преобразованиях во внешней политике США, что вызывало наивный энтузиазм одних и озабоченность других. Появление Д.А. Медведева в роли президента России породило надежды на новую *перестройку* в духе раннего Горбачева и способствовало нормализации отношений России с Западом, осложненных вторжением в Грузию в августе 2008 г.

 Ирма Аргуэльо (Аргентина), председатель Фонда нераспространения во имя глобальной безопасности – по электронной почте из Буэнос-Айреса: Задержание аргентинскими таможенниками незадекларированного груза оружия и военного оборудования на борту транспортного самолета ВВС США обострило отношения Вашингтона и Буэнос-Айреса. Волна антиправительственных демонстраций на Ближнем Востоке ведет к росту мировых цен на нефть. Это *на руку* режиму Уго Чавеса, который, с одной стороны, выражает солидарность с народами Ближнего Востока, а с другой – использует ситуацию для экономических маневров с поставками венесуэльской нефти и усиления собственной политической линии. Избрание президентом Бразилии Дилмы Рузевф и взятый ею курс на сближение отношений с США и минимизацию связей с Ираном и стало залогом стабильности во всем регионе. Немаловажным событием было подтверждение правительствами Бразилии и Аргентины стратегических отношений двух стран. Позитивно на безопасность в Латинской Америке повлияли состоявшиеся подготовительные переговоры между Чили и Боливией по поводу восстановления Ла-Пасом выхода к Тихому океану. Эти переговоры подтвердили волю правительств и потенциальную возможность решения проблемы, давно ставшей анахронизмом.

Однако ничего драматического в мире не случилось. Экономический кризис продемонстрировал настоятельную необходимость более жесткой и ответственной финансовой политики, но не привел к смене глобальной экономической модели. Американская внешняя политика стала более вялой и еще менее продуманной, чем при Джордже Буше-младшем, но каких-либо принципиальных сдвигов в ней не произошло и не предвидится. Единственная новация – широко разрекламированная *лерезагрузка* отношений с Россией – свелась к заключению нового Договора о СНВ, не имеющего реального значения. Президент Медведев оказался декоративной фигурой. Международная стратегия Москвы по-прежнему определяется воинствующими антизападными установками. Иными словами, мировая политика в очередной раз *вернулась на круги своя*.

НАТО: НОВАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Утверждение в ноябре 2010 г. на саммите НАТО в Лиссабоне новой Стратегической концепции Альянса в очередной раз опровергло постоянные спекуляции относительно того, что НАТО *изжила себя* и утратила смысл своего существования. Эта Концепция подвела, правда, на некоторое время, черту под спорами о направлениях и характере ее деятельности. Если она будет реализована, НАТО не только сохранит, но и упрочит свою нынешнюю роль в качестве ключевой военно-политической институции евроатлантического пространства.

После краха СССР в США и Европе сформировалось три основных точки зрения относительно роли и функций НАТО. В странах-членах Альянса, расположенных близко к России, основную опасность видят в политике Москвы. А потому там считают, что, несмотря на завершение холодной войны и появление новых, *неконвенциональных* угроз и вызовов международной безопасности, главная задача Североатлантического альянса осталась прежней – защита его членов от агрессии и угрозы агрессии, прежде всего российской. Государства НАТО, находящиеся сравнительно далеко от России, встревожены распространением оружия массового уничтожения, терроризмом, региональными конфликтами за пределами зоны ответственности Альянса, неконтролируемой миграцией и тому подобным. Лидеры этих стран полагают, что НАТО должна в первую очередь противодействовать именно этим угрозам. Наконец, в политических и академических кругах Европы можно встретить мнение о том, что НАТО должна превратиться в форум для дискуссий и *мягкой* координации действий всех развитых демократических государств на международной арене.

В процессе подготовки новой Стратегической концепции страны-члены НАТО преодолели эти и другие, менее значимые разногласия и утвердили документ, интегрирующий интересы различных групп входящих в нее государств. В нем нашла отражение множественная природа нынешних и перспективных угроз странам евроатлантического региона. Там, в частности, отмечаются опасности, порождаемые распространением оружия массового уничтожения и средств его доставки, террористическими группировками, нестабильностью или конфликтами за пределами границ НАТО и кибератаками. Говорится, что «все страны становятся в растущей степени зависимыми от жизненно важных коммуникаций, транспортных и транзитных путей, необходимых для международной торговли, энергетической безопасности и экономического благополучия». Поэтому, подчеркивают лидеры НАТО, «требуется дополнительные международные усилия, чтобы обеспечить их устойчивость к возможным нападениям или подрыву их функционирования». Подчеркивается, что «ключевые экологические и ресурсные ограничения, включая риски для здоровья людей, изменение климата, недостаток воды и растущие энергетические потребности, [...] будут оказывать потенциально значительное влияние на планирование и операции НАТО»¹.

Другой ключевой элемент стратегии Североатлантического альянса – предотвращение или урегулирование кризисов и конфликтов за пределами зоны ответственности НАТО, в том числе с применением военной силы, там и тогда, где и когда эти конфликты затрагивают интересы ее стран-членов. Концепция умалчивает, вероятно, из соображений дипломатической корректности, в каких географических регионах экспедиционные миссии НАТО наиболее вероятны. Можно предположить, однако, что в первую очередь они могут быть осуществлены в южной части Средиземноморья, а также в бассейнах Черного и Каспийского морей, возможно, в зоне Персидского залива. Вооруженные конфликты в этих районах непосредственно сказываются на безопасности европейских государств, чреваты перебоями в поставках энергоресурсов, усилением незаконной миграции в Европу, разрывом морских коммуникаций и другими малоприятными последствиями.

Планировать и осуществлять эти операции НАТО будет независимо от ООН. По крайней мере, какого-либо упоминания ООН в соответствующем разделе Концепции нет. В другой ее части говорится лишь о намерении НАТО «углубить политический диалог и практическое сотрудничество», расширять контакты и консультации с ООН. Это, разумеется, не случайно. Организация Объединенных Наций и ее Совет Безопасности многократно демонстрировали унижительную беспомощность в решении острых международных

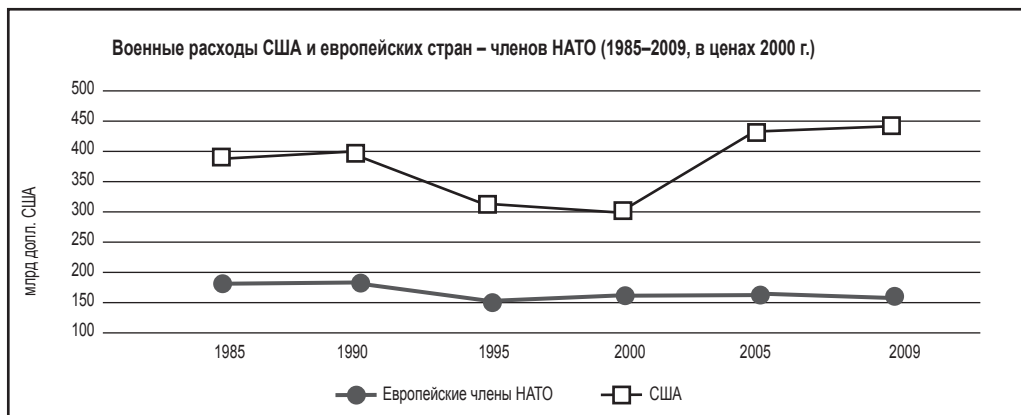

проблем, прежде всего, порожденных ядерными программами Ирана и Северной Кореи. Два постоянных члена Совета Безопасности – Россия и Китай – регулярно блокируют эффективные санкции, способные предотвратить появление ядерного оружия в Иране или его наращивание в КНДР. Учитывая это, НАТО, естественно, не собирается ставить обеспечение безопасности своих членов в зависимость от позиции Москвы или Пекина.

Однако при всей важности *неконвенциональных* угроз безопасности «самой главной задачей Североатлантического союза, – как подчеркивается в Концепции, – является защита и оборона территории и населения наших стран от нападения, как это установлено в Статье 5 Вашингтонского договора. Североатлантический союз не рассматривает никакую страну в качестве своего противника. Тем не менее, ни у кого не должно быть сомнений в решимости НАТО в том случае, если возникнет угроза кому-либо из ее членов». Концепцией предусмотрен ряд мер, призванных сделать сдерживание агрессии убедительным. Среди них – поддержание «адекватного сочетания ядерных и обычных сил»; «способность обеспечивать параллельные крупные объединенные операции и несколько операций меньшего масштаба по коллективной обороне и кризисному реагированию, в том числе на стратегическом расстоянии»; «создавать и поддерживать мощные, мобильные и готовые к развертыванию обычные силы для выполнения наших обязательств по Статье 5»; и так далее.

Хотя об этом прямо не говорится, обязательства по Статье 5 Вашингтонского договора имеют в виду, прежде всего, оборону от нападения со стороны России. Российское вторжение в Грузию в 2008 г. доказало, что Москва готова использовать военную силу для утверждения своего доминирования в регионах, близких к российским границам. А военные учения *Запад-2009* и *Ладога-2009* показали, что Кремль готовится к боевым действиям в балтийском регионе. В штаб-квартире НАТО и столицах государств-членов Альянса сделали необходимые выводы и утвердили план действий в случае агрессии России против Польши или прибалтийских государств.

Существование НАТО как активной и востребованной международной силы обусловлено не только общностью демократических ценностей, свойственных всем ее членам (хотя это никак нельзя сбрасывать со счета), но и стратегическими интересами практического свойства. В частности, обязательство США о защите европейских союзников позволяет последним чувствовать себя в безопасности при относительно небольших, по сравнению с американскими, военных расходах. Действительно, во время холодной войны и вплоть до начала 2000-х гг. совокупные военные расходы европейских союзников США были примерно в два раза ниже американских. Начиная с 2005 г. разрыв между ними вырос до трех раз при примерно равных объемах ВВП. Это фактически позволяет европейцам финансировать социальные статьи бюджетов за счет американских налогоплательщиков. Вместе с тем, в результате недофинансирования военных расходов европейские государства существенно отстают от США в разработке, производстве и принятии на вооружение современных высокотехнологичных систем оружия, средств связи, боевого управления и проецирования военной силы.

Американские военные и политические круги, естественно, раздражены низкими военными расходами союзников по НАТО, особенно учитывая постоянную, зачастую издевательскую и высокомерную критику действий США на мировой арене, типичную для многих европейцев. Однако в США заинтересованы в сохранении в Европе военного присутствия, позволяющего дислоцировать воинские контингенты сравнительно недалеко от районов, представляющих для Вашингтона стратегический интерес. Кроме того, и американский истеблишмент, и общественное мнение не могут игнорировать историческую ответственность Соединенных Штатов за оборону демократических стран Европы и поддержание безопасности в евроатлантическом регионе.

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ: МИР БЕЗ АМЕРИКИ

НАТО является ключевой трансатлантической институцией, гарантирующей участие США в обеспечении обороны и безопасности европейских государств. Для того чтобы полнее оценить ее стратегическое значение и в более широком контексте роль американского военно-политического присутствия в стратегически важных регионах, можно было бы представить себе некий *мир без Америки*. Разумеется, это отнюдь не означает, что Соединенные Штаты исчезнут с лица Земли, что является заветным желанием антиглобалистов, левых интеллектуалов, кремлевских мечтателей от Сталина до Медведева; исламских фундаменталистов и прочих, мягко говоря, эмоционально неустойчивых элементов. *Мир без Америки* означал бы, что США вернулись к *мяжкому* изоляционизму, похожему на политику, которую они проводили между двумя мировыми войнами.

Теоретически, подобный вариант возможен. США, в отличие от Европы, могут обеспечить себя большинством природных, в том числе энергетических ресурсов. В стране имеется огромный и емкий внутренний рынок, а сокращение дешевого импорта низкокачественных предметов потребления из Китая может оздоровить экономику и уменьшить безработицу. Мощные вооруженные силы гарантируют защиту от любых посягательств извне. Нельзя исключать, что рано или поздно американцам надоеет защищать безопасность и *проецировать демократию* по всему земному шару, постоянно выслушивая унылые нотации так называемого мирового общественного мнения. Результат будет ошеломляющим.

Европа окажется зажатой между двумя враждебными силами: Россией на востоке и исламскими странами на юге. Чтобы нейтрализовать исходящие оттуда угрозы, европейцы должны будут, как минимум, в несколько раз увеличить военные расходы, а также создать единые вооруженные силы, военно-промышленный и военно-научный комплексы, сопоставимые с американскими. В противном случае у них просто не хватит сил остановить экономическую, политическую и военную экспансию России в восточной части Центральной Европы и в случае необходимости восстановить порядок в южной части Средиземноморья. Некоторые, а может быть – многие европейские государства создадут ядерное оружие. Увеличение военных расходов повлечет за собой снижение ассигнований на социальные нужды. Это затронет, прежде всего, массы мигрантов из Ближнего Востока и Африки, обострит отношения между ними и коренным населением, вплоть до столкновений в крупнейших европейских мегаполисах.

Уход американцев с Ближнего Востока обернется гонкой ядерных вооружений в регионе и, скорее всего, войной между Израилем и Ираном. Единственное, что сейчас удерживает Иран от форсированного создания ядерного оружия – перспектива жестких американских силовых санкций. В Израиле пока продолжают надеяться, хотя эта надежда становится все более призрачной, на американские гарантии безопасности. Но как только американский фактор в регионе ослабнет, арабские страны постараются создать (или, скорее, купить) ядерное оружие, а у Израиля останется лишь один вариант действий – остановить ядерное вооружение Тегерана превентивным ударом по иранским ядерным объектам и ключевым центрам военного и политического управления.

Поворот США к изоляционистской политике приведет к *ядерному домино* и опасной дестабилизации на Дальнем Востоке. Япония и Южная Корея воздерживаются пока от создания ядерного оружия только благодаря американским гарантиям безопасности. Есте-

Ы
В
Р
О
У
С
З
С
Б
Е
О
Г
Р
О
П
Х
Ы
В
О
Р
А
Н
И

ственным ответом на ядерное вооружение этих стран будет наращивание аналогичных вооружений Китая. Кроме того, сокращение американского военного и политического присутствия в Тихоокеанском регионе стимулирует там китайскую экспансию. Последняя чревата столкновением японских и китайских интересов, которое, вполне вероятно, выльется в вооруженное противостояние. А эскалация и без того взрывоопасной обстановки на Корейском полуострове может окончательно подорвать стабильность в северной части Тихого океана.

Можно сконструировать и другие, не менее тревожные сценарии развития событий в «мире без Америки». Но главный вывод очевиден: американское присутствие в стратегически важных регионах, раздраженно именуемое в Москве *монополярным миром*, и американские гарантии безопасности Европе, Японии и Южной Корее являются ключевыми стабилизирующими факторами мировой политики.

РАТИФИКАЦИЯ НОВОГО ДОГОВОРА О СНВ

Любители пропагандистской риторики поспешили назвать ратификацию нового Договора о СНВ победой здравого смысла, в результате которой режим контроля над вооружениями получил некое *второе дыхание*. Министр иностранных дел России Сергей Лавров назвал вступление этого Договора в силу *знаком перемен*, ставшим возможным «благодаря пониманию контрпродуктивности односторонних подходов к обеспечению безопасности. Заложенные в Договор принципы равноправия, паритетности, равной и неделимой безопасности создают прочную основу для современного российско-американского взаимодействия в самых разных областях»². Однако министр Лавров поторопился.

О том, что этот Договор ничтожен с военной точки зрения, я уже подробно писал в одном из предыдущих номеров *Индекса Безопасности*. Он, по сути дела, никого и не в чем не ограничивает. Повторять приведенные там расчеты и аргументы нет необходимости. Но вот о ратификации и связанных с нею обстоятельствах стоит поговорить подробнее. Они могут оказаться в центре острых противоречий уже в ближайшие месяцы.

Озабоченность сторонников контроля над вооружениями, которых Джон Болтон со свойственным ему сарказмом именовал «arms control theologians», вызывала возможность того, что республиканская фракция в Сенате США провалит ратификацию нового Договора о СНВ³. Действительно, республиканцы со всеми на то основаниями были решительно настроены против этого Договора. Кроме того, отказ сената ратифицировать новый Договор наглядно продемонстрировал бы политическую беспомощность Белого дома. Однако имелаась и другая сторона дела. Если бы республиканцы провалили ратификацию, то в глазах общественного мнения, как в США, так и за рубежом, они выглядели бы *поджигателями войны* или, по крайней мере, отставшими от жизни обскурантами. Широкая публика не обязана разбираться в деталях договоренностей по контролю над вооружениями. Она склонна руководствоваться простой, хотя далеко не всегда правильной формулой: наличие соглашений в ядерной области укрепляет, а отсутствие – подрывает международное доверие и безопасность. Понятно, что администрация Обамы обязательно воспользовалась бы этим, чтобы дискредитировать «великую старую партию» и набрать политические очки. Однако в Белом доме, похоже, предпочли не рисковать; во что бы то ни стало, добивались ратификации нового Договора и попали в ловушку.

Республиканцы смогли осуществить элегантную политическую комбинацию. Они проголосовали за ратификацию нового Договора о СНВ, но обусловили это рядом обязательных для Белого дома положений, отражающих их интересы и взгляды. Во-первых, должно быть увеличено финансирование модернизации ядерного оружия и продолжено создание противоракетной обороны США и их европейских союзников. По сообщениям прессы, на модернизацию ядерного арсенала в ближайшие 10 лет США должны потратить 85 млрд долл. Во-вторых, после голосования в Сенате администрация Обамы обязана руководствоваться интерпретациями нескольких принципиально важных положений Договора, не совпадающими с российскими. В частности, США должны будут исходить из того, что неядерные вооружения стратегической дальности не являются «новыми типами стратегических наступательных вооружений», попадающих под дей-

Е.П. Бужинский (Россия), генерал-лейтенант, консультант ПИР-Центра – по телефону из Москвы: Судя по новой военной стратегии США, обнародованной через семь лет после принятия предыдущей администрацией Буша, взгляды Вашингтона и на собственную роль в мире, и на отношения с Россией заметно изменились. Сильнейший удар по идее самодостаточности нанесли войны в Афганистане и Ираке. Как выяснилось, несмотря на их всемогущество, даже одну войну США не могут довести до победы. Отсюда — декларируемая военной доктриной Барака Обамы ставка на широкие международные коалиции. В отличие от доктрины 2004 г., главные опасения США сегодня связаны с Китаем — его стремительно растущей экономической и военной мощью. Именно этим беспокойством и обусловлена отчетливая *востокоцентричность* новой военной стратегии США. В России, несмотря на нехватку ресурсов, худо-бедно начался процесс укрепления и модернизации вооруженных сил, сделавший прежнюю концепцию *младшего партнера* в отношениях с США совсем неуместной. В этой новой для них ситуации США решили, что Россию лучше иметь если пока не союзником, то хотя бы партнером, не пытаясь утвердить свое превосходство. В вопросе дальнейших сокращений стратегических наступательных вооружений, думаю, российская сторона возьмет определенную паузу, с тем чтобы убедиться в том, что выполнение Договора проходит без осложнений. Наиболее значимым вопросом в разоруженческой повестке дня российско-американских отношений остается *размораживание* ситуации с ДОВСЕ. Американцы наверняка активизируют попытки начать диалог по тактическому ядерному оружию. Начавшийся диалог между США, НАТО и РФ по вопросу сотрудничества в области ПРО, надеюсь, приведет к позитивному исходу. Тупик на переговорах соответственно приведет к очередному периоду охлаждения в наших отношениях.

ствии нового Договора. Кроме того, было недвусмысленно заявлено, что новый Договор, в том числе его преамбула, не накладывает на США каких-либо юридических обязательств, препятствующих разработке и развертыванию систем ПРО, кроме статьи, запрещающей использование пусковых установок МБР и БРПЛ для размещения в них ракет-перехватчиков⁴.

Однако самым важным положением резолюции Сената о ратификации нового Договора о СНВ является обращенное к Белому дому требование добиваться переговоров с Россией о сокращении тактического ядерного оружия. Резолюция оставляет открытым вопрос о том, что должны делать США, если Россия откажется от таких переговоров, но, тем не менее, закладывает предпосылки для выхода в этом случае США из нового Договора. В военном и политическом планах такой шаг вполне обоснован. Российское тактическое ядерное оружие вызывает растущее беспокойство не только западных политиков, но и общественного мнения, которые отдают себе отчет в том, что оно может быть использовано в случае вооруженного конфликта между Россией и НАТО.

В целом же резолюция Сената установила юридически обязательные для исполнительной власти США рамки дальнейшего взаимодействия с Россией по проблемам, относящимся к ядерному оружию. Нарушение или неисполнение требований этой резолюции вызовет серьезный скандал в Соединенных Штатах. В свою очередь, Москва оказывается перед дилеммой — либо молча согласиться с американскими интерпретациями Договора, вызывающими раздражение нынешнего российского военного и политического

Б
В
Р
О
С
С
С
Е
Е
О
Л
О
Р
П
Х
Б
В
О
Р
И
М

 Андрей Кортунюв (Россия), президент фонда «Новая Евразия» – по телефону из Москвы: События на Ближнем Востоке и в Северной Африке привели к снижению уровня безопасности в мире. Повышение цен на нефть, которое спровоцировали эти события, может быть выгодно России как крупному экспортеру нефти, но это весьма зыбкая выгода. Вступление в силу нового российско-американского Договора о СНВ в числе значимых, но скорее символических событий периода. Дальнейшая *перезагрузка* отношений между Вашингтоном и Москвой будет зависеть от того, насколько стороны готовы выйти за рамки сохранившейся логики холодной войны. По сути, договор СНВ-3 – это документ, подписанный в соответствии с той же логикой сохранения ядерного паритета между двумя сверхдержавами. Для качественно нового развития двусторонних отношений России и США важно найти новую платформу для взаимодействия. Развитие отношений России и Евросоюза также оставляет желать лучшего. Принятые санкции ЕС против Белоруссии не добавили динамики этому сотрудничеству, хотя и не внесли в него существенных изменений. Судя по реакциям Москвы, Россия не намерена консолидироваться с позициями сторонников санкций, поэтому единого мирового фронта против Лукашенко не сложится.

руководства, либо выйти из него. Но в последнем случае ответственность за срыв Договора и в целом переговоров по контролю над ядерным оружием ложится на российскую сторону.

ОТКУДА ИСХОДИТ УГРОЗА МИРУ

В начале января 2011 г. председатель Комитета по международным делам Государственной думы К.И. Косачев написал:

«Российские военные стратеги исходят из того, что главная (а может быть, и единственная) угроза для страны, как и в советские времена, – это возможный ядерный удар со стороны США. Отсюда – сохраняющаяся ставка на безусловный паритет с американцами в оружии массового поражения и сохранение возможности гарантированного уничтожения противника ответным ударом. Паритет не обязательно означает арифметического равенства по ракетам, но обязательно предполагает достаточное их количество для того, чтобы отбить всякое желание на нас напасть»⁵.

По сути дела, высокопоставленный и хорошо осведомленный политик не сказал ничего нового. Он лишь публично подтвердил то, о чем и в России, и за рубежом писали на протяжении практически всего постсоветского периода: мышление российского генералитета не изменилось со времен холодной войны и, следовательно, сами *российские военные стратеги* представляют собой главную угрозу международной и национальной безопасности.

Война, как утверждает классическая и никем не опровергнутая формула Карла фон Клаузевица, есть продолжение политики иными, а именно насильственными, средствами. А раз так, сразу возникает вопрос: во имя достижения каких именно политических или экономических целей американское руководство может нанести неспровоцированный ядерный или неядерный удар по российским стратегическим силам и центрам управления, рискуя подставить собственную страну под ответный удар? Каких-либо гарантий того, что первый ядерный удар в сочетании с теоретически мыслимыми системами ПРО может со стопроцентной надежностью исключить прорыв нескольких уцелевших российских боеголовок к территории США, не может дать никто, ни сейчас, ни в обозримом будущем. Между тем, даже одна боеголовка мощностью несколько сотен килотонн,

не говоря уже о боезарядах мегатонного класса, нанесет Соединенным Штатам неприемлемый ущерб.

Поэтому США могут рисковать судьбой страны, готовя неспровоцированное нападение на Россию, только если для этого есть исключительно важные экзистенциальные причины. Однако вразумительно объяснить, какие это могут быть причины, российские военные не в состоянии. Чаще всего речь идет о том, что США готовы применить военную силу, чтобы установить контроль над российскими месторождениями нефти и газа. Эта идея, довольно популярная не только в военной среде, но и в российской элите в целом. США, в отличие от Европы, не зависят от импорта российских энергоресурсов. Но предполагать, что европейцы способны развязать ядерную войну против России даже в случае полного энергетического бойкота, можно только в приступе белой горячки. Да и сам такой бойкот крайне маловероятен. Россия не может даже на относительно короткое время отказаться от экспорта нефти и газа, который создает основные доходы страны в твердой валюте. Кроме того, перерыв в поставках энергоресурсов в Европу обернется прекращением поставок из Европы продовольствия и медикаментов для населения, *мерседесов* для элиты, *мистралей* для военных и практически всей высокотехнологической продукции, в том числе двойного назначения. Наконец, предположить, что американские нефтяные монополии готовы рискнуть своим существованием для того, чтобы этот режим ликвидировать. И, наконец, никто не опасается, что Россия возродится как великая держава. Всерьез эта перспектива просто не обсуждается, поскольку является сугубо гипотетической. Скорее, на Западе тревожатся относительно возможного распада России, имея в виду судьбу российского ядерного арсенала и способность экспортировать энергоресурсы в необходимых Европе количествах.

Другое объяснение состоит в том, что Запад и США в особенности не любят Россию, завидуют ей и опасаются ее возрождения в качестве великой державы. В цивилизованных странах Россию, точнее, нынешний российский бомонд, действительно не любят. И вполне заслуженно: большая часть российской верхушки коррумпирована, скверно образована, имеет плохо скрытые преступные наклонности и склонна к репрессивному авторитаризму. Но критическое, даже безразличное отношение к тому или иному режиму отнюдь не означает, что США готовы рисковать своим существованием для того, чтобы этот режим ликвидировать. И, наконец, никто не опасается, что Россия возродится как великая держава. Всерьез эта перспектива просто не обсуждается, поскольку является сугубо гипотетической. Скорее, на Западе тревожатся относительно возможного распада России, имея в виду судьбу российского ядерного арсенала и способность экспортировать энергоресурсы в необходимых Европе количествах.

Иными словами, предположение о возможности неспровоцированного американского ядерного удара по России не имеет под собой никакой основы. Однако оно является исходной точкой планирования развития и, возможно, применения российских стратегических ядерных сил. Этот факт может быть объяснен двояким образом. Один вариант состоит в том, что российский военно-политический истеблишмент подвержен паранойе, причем не в переносном, а в медицинском смысле. Это само по себе является источником угрозы, и для мира, и для России, поскольку тысячи ядерных боезарядов находятся в руках людей, не способных адекватно воспринимать окружающий мир, страдающих манией преследования и галлюцинациями.

Другое объяснение не менее тревожно. Соединенные Штаты могут, помимо своего желания, оказаться вовлеченными в вооруженный конфликт с Россией, вызванный вторжением российских войск в сопредельные с Россией государства. Во время августовской войны на Кавказе вопрос о военном вмешательстве США в нее рассматривался в Вашингтоне на самом высоком уровне. Американское руководство тогда воздержалось от прямого участия в конфликте, но направило военные корабли в Черное море, что остановило российское наступление на Тбилиси. Но никто не может гарантировать, что в следующий раз удастся избежать эскалации конфликта, особенно если объектом военного давления станут государства-члены НАТО.

Одним из наиболее вероятных театров такого конфликта является балтийский регион. Можно предположить, что в российском Генеральном штабе готовят планы военного вторжения в прибалтийские страны или жесткого силового давления на них, под предлогом, например, защиты русского этнического меньшинства. Цель этого заключается

Ы
В
Р
О
У
С
З
С
Б
Е
О
Г
А
О
П
Х
Ы
В
О
А
И
М

в том, чтобы радикально ослабить НАТО. Действительно, военно-политический кризис в Южной Прибалтике поставит НАТО перед дилеммой: либо закрыть глаза на российскую агрессию против Латвии, Литвы или Эстонии и не выполнить обязательства по статье 5 Вашингтонского договора, либо пойти на военное столкновение с Россией, которое, скорее всего, перерастет в конфликт с ограниченным применением тактического ядерного оружия.

Уклонившись от защиты Прибалтики, НАТО будет полностью дискредитировано как реальная военная и политическая сила. А в случае эскалации вооруженного противостояния экспедиционный корпус Альянса может потерпеть поражение. Девять дивизий, предназначенных по плану Eagle Guardian для защиты Прибалтики, могут просто не успеть десантироваться и занять боевые позиции и окажутся под угрозой ударов тактического ядерного оружия. Задача российских вооруженных сил при таком сценарии заключается в том, чтобы не допустить массированного применения американских высокоточных вооружений по военным объектам и центрам управления на территории России. Для этого как раз и требуется ядерный паритет с США. Иными словами, суть в том, чтобы, угрожая НАТО применением тактического ядерного оружия в локальном вооруженном конфликте в балтийской зоне, заставить Альянс отступить, принять российские условия и тем самым доказать собственную импотентность.

Военное противостояние России и НАТО настолько опасно, что может показаться абсолютно фантастическим. Однако оно полностью вписывается в логику российской политики, поскольку дискредитация и ослабление НАТО является ее долгосрочной стратегической целью. Это, действительно, приведет к кардинальному изменению соотношения сил в восточной части Европы в пользу России. Есть также свидетельства, что в Москве отнюдь не исключают реализацию таких сценариев на практике.

Крупномасштабные учения всегда показывают, к каким войнам и в каких районах готовятся войска соответствующих государств. В противном случае они бессмысленны. Начиная с 1999 г. российские вооруженные силы регулярно, раз в несколько лет, проводят крупномасштабные военные учения в прибалтийской зоне. В некоторых из них, в том числе в учениях *Союзная безопасность-2004*, *Щит союза-2006*, *Запад-2009* и *Ладога-2009*, отрабатывались действия войск в условиях применения тактического ядерного оружия. Во всяком случае, российское военное командование ни разу не опровергло соответствующую информацию в прессе.

Осенью 2009 г. были приняты поправки в российский Закон об обороне, позволяющие, в частности, «оперативно использовать» вооруженные силы за пределами территории России «для защиты граждан Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации от вооруженного нападения на них». Это положение противоречит международному праву, но главное – в другом. Поправка к Закону об обороне не конкретизирует, что именно является «вооруженным нападением»; какое количество граждан России должно подвергнуться такому нападению, чтобы дать повод для военного вторжения; насколько эффективны или неэффективны меры по защите граждан России, принимаемые властями государства, где такое нападение произошло; должна ли Россия получить санкцию Совета Безопасности ООН, прежде чем «оперативно использовать» свои вооруженные силы за рубежом и так далее. На деле, нынешний Закон об обороне дает возможность Кремлю направить в другую страну любое количество войск в случае, например, драки российских туристов с местным населением, в которой использовались кастеты или бейсбольные биты. Последние вполне могут быть истолкованы как оружие.

Вблизи Прибалтики развертываются современные ракетные комплексы *Искандер-М*, способные доставлять как обычные, так и ядерные боезаряды к целям на расстоянии до 500 км. Данные комплексы первыми появились вблизи именно западной границы России, хотя их развертывание на Дальнем Востоке выглядело бы куда более логичным. Это подтверждает, что сделанные в октябре 2009 г. шокирующие заявления секретаря Совета безопасности Н.П. Патрушева относительно применения Россией ядерного оружия превентивным образом в локальных конфликтах никак не случайны. Скорее всего, они более точно отражают планы российского военного командования, чем офи-

циально утвержденная военная доктрина. Заметим, что ни сам Патрушев, ни военно-политическое руководство России никак не объяснило принципиальные расхождения между позицией, изложенной секретарем Совета безопасности России в его интервью *Известиям* и *Российской Газете* поздней осенью 2009 г., и текстом военной доктрины, утвержденной в начале 2010 г.

Москва блокирует сокращение и ограничение тактического ядерного оружия в Европе, либо выдвигая заведомо неприемлемые для НАТО предварительные условия начала таких переговоров, либо вообще отказываясь обсуждать эту проблему. Выступая в декабре 2010 г. в Государственной Думе по случаю ратификации нового Договора о СНВ, С.В. Лавров посчитал «целесообразным подчеркнуть, что наш абсолютный приоритет заключается в том, что сначала надо выполнить обсуждаемый сегодня договор, а далее среди наших приоритетов будет задача понять, как развивается ситуация вокруг противоракетной обороны, как решаются вопросы обычных вооружений в Европе и, конечно же, удастся ли решить проблему предотвращения вывода оружия в космос»⁶. Иными словами, министр иностранных дел России, во-первых, отодвинул начало возможных переговоров по тактическому ядерному оружию на семь-восемь лет, а во-вторых, обусловил согласие на такие переговоры принятием российских требований по европейской ПРО, обычным вооружениям и вопросам, связанным с военными космическими системами.

В 2010 г. был создан Западный военный округ, граничащий с государствами Прибалтики, Польшей, Украиной, Белоруссией, Финляндией и Норвегией. Поскольку в обозримое время войн с Украиной, Белоруссией и, скорее всего, с Финляндией не ожидается, можно предположить, что основные силы этого округа предназначены для вооруженного противоборства с НАТО, прежде всего с Польшей, Латвией, Литвой и Эстонией именно в зоне Южной Прибалтики. В состав этого округа, по официально неподтвержденным сообщениям российской прессы, вошли не менее десяти танковых и мотострелковых бригад, три ракетные бригады, пять бригад РСЗО и артиллерии, в том числе большой мощности, несколько бригад ПВО, две бригады спецназначения, бригады связи, радиоэлектронной борьбы, инженерно-саперные и тыловые части обеспечения, а также три дивизии воздушно-десантных войск⁷. И хотя боеспособность российских вооруженных сил часто и обоснованно ставится под сомнение, войска Западного военного округа заведомо превосходят армии прибалтийских государств.

И ОПЯТЬ ПРО...

В ноябре 2010 г. на военном параде в Пхеньяне были продемонстрированы северокорейские баллистические ракеты средней дальности, известные как *ВМ-25*, или *Мусидан*. Это должно поставить точку в длительном споре относительно того, существуют такие ракеты или нет. Обрывки информации, появлявшейся в разное время в СМИ, складываются в следующую картину. Предполагается, что в середине 1990-х гг. северокорейские власти предложили миасскому ГРЦ им. Макеева, ведущему российскому ракетному конструкторскому бюро, возможно, группе ведущих специалистов этого бюро, разработать для КНДР баллистическую ракету средней дальности на основе бывшей советской БРПЛ *P-27*, известной также как *SS-N-6*. Утверждается, что такая ракета была создана. В отличие от исходной *P-27*, она несет вместо трех одну боеголовку массой 1000 кг, приспособлена для запуска с мобильной наземной платформы и имеет дальность от 3 до 4 тыс. км. Американские разведывательные службы настаивают, что КНДР передала Ирану технологии производства этих ракет и их основные компоненты. Российские военные эксперты отрицают, по крайней мере, отрицали до ноября 2010 г. само существование ракет *ВМ-25*, ссылаясь на то, что никто и никогда их не видел⁸. Если Иран действительно получил такие ракеты или технологии их производства, то ракетно-ядерная угроза Европе приобретает вполне реальные очертания. А создание эффективной защиты европейского театра от иранских ракет становится все более актуальной задачей.

Однако к началу 2011 г. противоречия относительно европейской ПРО в очередной раз вышли на первый план в отношениях России и Запада. США и НАТО, предлагая России сотрудничать в защите Европы от ракетно-ядерного нападения, исходят из того, что ев-

Д
В
А
О
С
С
С
Е
Д
О
А
П
Х
В
О
А
И
М

ропейская и российская системы ПРО должны быть независимы, но *скоординированы*. Хотя детали того, что именно имеется в виду под *координацией*, пока неизвестны, речь, видимо, идет об обмене информацией между российскими и европейскими системами предупреждения о ракетном нападении. Практическая ценность такой *координации* для НАТО вызывает сомнения. Похоже, что предложение о сотрудничестве с Россией в области ПРО было сделано руководством Североатлантического альянса и администрацией Обамы до того, как была сформулирована более или менее внятная концепция такого сотрудничества.

Российская позиция более прозрачна. По словам представителя России в НАТО Д.О. Рогозина, «нас создание двух отдельных систем не устраивает. По сути, это должна быть единая технически интегрированная система. [...] Создание двух систем – это уже не ЕвроПРО. Это будет вести к сдерживанию нашего стратегического потенциала, а мы этого допустить не можем, поскольку ядерное оружие – это гарантия нашего суверенитета». Рогозин также объявил, что Москва требует *двойной ключа*, то есть совместного принятия решений о сбивании ракет, а также чтобы за Россией был закреплен определенный сектор *ответственности*⁹. Похожую точку зрения, хотя и более расплывчато, высказал С.В. Лавров, выступая в феврале 2011 г. на Мюнхенской конференции по проблемам безопасности. Он говорил о *совместной ЕвроПРО*, основанной «на принципах равноправия, сопряжения имеющихся у России и стран НАТО потенциалов, без создания каких-либо проблем друг для друга, на основе взаимного учета интересов и необходимости коллективного противодействия общим вызовам в области ракетного распространения», которая «станет тестом на искренность деклараций о готовности к *партнерству*»¹⁰. Если отвлечься от внешне привлекательной риторики относительно «взаимного учета интересов» и тому подобного, то идея совместной ПРО, основанной на принципах *равноправия* и *двойного ключа*, подразумевает, что Россия имеет решающий голос в определении структуры и характера будущей системы, а также принятии решений о ее использовании. Такой подход для НАТО и США заведомо неприемлем.

Другая идея, предлагаемая Москвой, предполагает создание так называемой *секторальной ПРО*. На первый взгляд, она менее одиозна, чем идея *совместной системы*. Суть в том, что Россия и НАТО создают единый периметр безопасности с элементами ПРО и ПВО, обращенными вовне. Иными словами, не развертываются радары и противоракеты, направленные друг против друга. Каждая сторона берет на себя ответственность за безопасность определенного сектора в рамках этого единого контура, то есть будет сбивать ракеты над зоной своей ответственности. Эти зоны могут пересекаться и выходить за рамки государственных границ. Такая схема взаимодействия России и НАТО не предполагает создания некоей *единой ПРО*, основанной на принципе *двойного ключа*, чего добивается российский МИД, скорее всего, под давлением Министерства обороны. Но для того, чтобы идея *секторальной ПРО* была принята НАТО, последняя должна быть полностью уверена в способности России уничтожить иранские ракеты, летящие над ее территорией и, главным образом, над территориями Украины, Белоруссии и Молдавии. Однако у России таких возможностей нет и неизвестно, появятся ли они вообще.

Иранские ракеты дальностью 2–3 тыс. км будут пролетать над территорией России на высотах от 200 до 600 км, тогда как имеющиеся российские противоракетные системы *C-300* и *C-400* имеют боевой потолок не более 30 км. Противоракеты *51Т6 Азов (SH-11 Gorgon)*, развернутые в свое время вокруг Москвы, могли поражать баллистические цели на высоте около 120 км, однако имели крайне малую точность и потому были оснащены термоядерными боеголовками мощностью в одну мегатонну. Их использование чревато тяжелыми последствиями для территорий, над которыми произойдет взрыв боевой *части*¹¹. По сообщениям российской прессы, эти ракеты выведены из боевого состава. Перспективы создания в России современных высокоточных противоракет с боевыми потолками, существенно превышающими 30–40 км, аналогичных американским ракетам *Standard Missile-3*, *THAAD* и *GBI* (ground based interceptor), остаются весьма туманными.

Таблица 1. Примерные параметры траектории баллистических ракет¹²

Дальность (км)	Высота траектории в апогее (км)	Скорость в конце активного участка (м/с)	Время полета (мин)
1000	260	3100	9
2000	460	4000	12
3000	650	4800	15
4000	820	5400	18
5000	970	5900	21
6000	1100	6300	24
7000	1190	6600	26
8000	1270	6850	29
9000	1300	7100	31
10 000	1320	7300	33
12 000	1370	7500	36

Кроме того, реализация *секторальной ПРО* предполагает, что российские противоракетные комплексы должны быть развернуты на территории Украины и, возможно, Белоруссии или, как минимум, иметь право сбивать ракеты, летящие над территориями этих государств. Следовательно, обсуждать эту идею с самого начала необходимо с участием Киева и Минска, причем нет никаких гарантий, что украинские и белорусские власти согласятся с появлением российских вооруженных сил на своей территории.

В свете этого сотрудничество между Россией и НАТО или Россией и США может заключаться только в обмене информацией, получаемой российскими и американскими (или натовскими) системами предупреждения о ракетном нападении. В России в связи с этим часто упоминается находящаяся в районе Мингечаура РЛС типа *Дарьял*, поставленная на боевое дежурство в 1988 г. Российские эксперты подчеркивают уникальную роль этой РЛС в обнаружении запусков иранских ракет. «При испытательных запусках иранских ракет с северного полигона по трассе в юго-восточном направлении радар в Мингечауре обнаруживает их примерно на 110-й секунде полета, а при боевых пусках в северо-западном направлении еще раньше, что недоступно никаким радарам американской СПРЯУ», отмечал, например, видный российский специалист В.З. Дворкин¹³. Однако РЛС в Мингечауре является азербайджанской станцией, арендуемой российскими военными за символическую сумму 7 млн долл. в год, причем срок аренды кончается в 2012 г. И поэтому, если НАТО заинтересована в использовании информации, поступающей с этой РЛС, то Брюсселю разумней договариваться непосредственно с Баку, чем с Москвой.

Дело, однако, не столько в тактико-технических характеристиках и государственной принадлежности российских и бывших советских РЛС СПРН, которые теоретически можно использовать в целях противоракетной обороны Европы, сколько в том, насколько НАТО может доверять поступающей от них информации. В частности, НАТО или США должны получать информацию от российских РЛС в режиме реального времени, иметь убедительные гарантии, что никакой *фильтрации* этой информации не проводится, а также что эти РЛС способны обнаружить иранские или какие-то иные ракеты, угрожающие Европе. Иными словами, НАТО должна постоянно получать достаточно полную информацию о текущем техническом состоянии и характеристиках российской системы СПРН. Нетрудно предположить, что российское военное руководство заблокирует передачу *потенциальному противнику* любых сведений такого рода. Именно отказ российских военных предоставлять информацию в режиме реального времени погубил проект Центра по обмену данными о пусках ракет, о котором Кремль и Белый дом договорились в самом начале прошлого десятилетия.

В
О
С
С
С
Е
Д
О
Р
П
Х
Ы
В
О
Р
И
М

В политическом плане наиболее интересно, почему, выдвигая заведомо неприемлемые для НАТО и США проекты *единой* или *секторальной* ПРО (надеясь, что НАТО примет эти предложения, может только наивный или совсем уж малограмотный человек), российское руководство одновременно в ультимативном тоне заявляет, что если эти проекты не будут приняты, то Россия начнет новую гонку вооружений. Как выразился в ноябре 2010 г. президент Медведев, «или мы достигнем согласия по противоракетной обороне и создадим полноценный совместный механизм сотрудничества, или же (если нам не удастся выйти на конструктивную договоренность) начнется новый виток гонки вооружений. И нам придется принимать решение о размещении новых ударных средств»¹⁴. Объяснение может быть двояким: Кремль либо переоценивает заинтересованность Запада в сохранении нормальных отношений с Россией, либо сознательно провоцирует новый кризис в отношениях с НАТО.

ТУНИССКИЙ СИНДРОМ

Падение авторитарного режима в Тунисе, последовавшие за этим свержение президента Мубарака в Египте, беспорядки в других странах арабского мира и в Иране ставят несколько важных вопросов и позволяют сделать, как минимум, два вывода. Во-первых, произошли события, считавшиеся крайне маловероятными. Разумеется, эксперты-ближневосточники доходчиво, хотя и *post factum*, объяснили, что их причины кроются в неудовлетворенности образованной молодежи и отсутствии у нее жизненных перспектив; в разрыве между общественными ожиданиями и возможностями; в низком уровне жизни; в коррумпированности властей; в отвращении к режимам, правящим страной десятки лет. Не менее правильным, хотя столь же банальным, было указание на то, что современные информационные технологии позволяют мобилизовать разочарованное и раздраженное население на противостояние с властями даже в условиях тотальной цензуры или отключения средств массовой информации.

Однако эксперты не смогли вразумительно ответить на ключевой вопрос: как и при каких условиях формируется некая *критическая масса*, способная трансформировать недовольство в политическое действие, какова природа этой массы и что может являться *спусковым крючком*, приводящим в действие малопонятный в деталях механизм лавинообразного падения авторитарных режимов, казавшихся образцами стабильности?

Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), председатель Исследовательского Центра Залива – по электронной почте из Дубаи: Волна антиправительственных демонстраций на Ближнем Востоке однозначно дестабилизирует ситуацию в регионе, но скорее будет иметь значение в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Беспокоит то, что ведущие мировые державы так и не осознали всю глубину и возможные последствия произошедшего. В результате им приходится подстраивать собственную политику под резко меняющуюся ситуацию в регионе. США и ЕС пересматривают стратегические отношения со многими странами Ближнего Востока для того, чтобы быть уверенными, что ситуация находится под их контролем. В дни египетского кризиса много писали и говорили о роли *Facebook*, *Twitter* и других социальных сетей в организации переворота. Но я бы не стал переоценивать их значение. Современные информационные технологии, несомненно, разрушили монополию государства на информацию и расширили возможности для связи между различными группами. Но сами по себе они остаются лишь инструментами влияния в руках определенных политических сил.

Единственное утешение состоит в том, что ответы на такие вопросы не удавалось найти никому и никому. Уинстон Черчилль, например, писал в начале XX в.:

«Исследователь событий, меняющих ход истории, всегда сталкивается с огромными трудностями, пытаясь выявить и проследить малозаметные и трудноразличимые воздействия, которые во всех сообществах предшествуют вспышкам насилия и восстаниям и прокладывая для них дорогу. Он может обнаружить и надлежащим образом описать множество причин таких событий, но он всегда чувствует, что другие причины ускользнули от его внимания. Изменчивые волны общественного мнения, подспудные токи интересов, соучастия и изменчивых настроений, водовороты алогичных эмоций и невежественных предрассудков порождают силы столь сложные и многочисленные, что заметить, различить и оценить их вклад в надвигающийся шторм является задачей, недоступной интеллекту и способностям человека»¹³.

Иными словами, первый вывод состоит в том, что случаются и будут случаться события, считавшиеся до их наступления настолько малореальными, что их никто не принимал во внимание.

Другой вывод, менее философского, но более практического свойства, можно сформулировать следующим образом: если число активных противников режима, выходящих на улицы и площади столицы с требованиями смены власти, превышает некий критический уровень, скажем, от 50 до 100 тыс. человек, полиция и силы безопасности не могут им противостоять. А армия оказывается перед тяжелым выбором: либо пролить реки крови и подавать массовые протесты, либо, сохранив нейтралитет или присоединившись к протестующим, окончательно решить судьбу падающего режима. История недавнего прошлого знает примеры и того, и другого. Так, в 1989 г. танковая дивизия по приказу ЦК КПК в полном смысле слова вдавила в асфальт тысячи студентов, собравшихся на площади Тяньаньмэнь, и спасла тем самым китайский коммунистический режим. В том же самом году армии восточноевропейских союзников СССР остались в казармах и обеспечили, таким образом, успех бархатных революций.

Но многие вопросы, вызванные событиями на Ближнем Востоке, остаются открытыми. Какую роль в них играли организации исламских фундаменталистов? Какие политические силы в конечном итоге придут к власти в странах, освободившихся от бывших властителей? Изменится ли геополитическая ситуация на Ближнем Востоке или новые власти сохранят прежний внешнеполитический курс? И хотя ответов на эти и другие, не менее важные вопросы пока нет, нельзя исключать, что Ближний Восток оказался на пороге кардинальных перемен, последствия которых мы пока оценить не в состоянии.

Естественно, что происходящее на Ближнем Востоке немедленно инициировало дискуссию о том, может ли нечто подобное произойти в России. Аргументы, выдвигаемые в ходе этой дискуссии, очевидны. Противники режима видят в ближневосточных событиях пример своего рода *оранжевой революции*, жизненно необходимой для демократических преобразований в России. Сторонники нынешней власти считают, что это приведет к длительному хаосу и развалу страны. Наиболее изощренные из них призывают к некой *революции сверху*, призванной сохранить режим, сменив персональный состав правящей верхушки. «Запас прочности Вертикали сейчас равен только запасу равнодушия общества. Цемент Вертикали – болотная жижа окружающей среды. Стоит этой жиже колыхнуться – ничтожно, совсем ничтожно – и все... – пишет, например, Л.А. Радзиковский. – Власть может отказаться от своей незыблемости только по одной реальной причине – со страху (почтительное название – «чувство ответственности»). ... Если у власти есть ощущение «выдержим, только без паники» – они на это не пойдут. И, в случае, если они ошибаются, – получат личную и национальную катастрофу. Обычно чувство «не выдержим» приходит слишком *поздно*»¹⁶. Но об этом мы подробнее поговорим в следующий раз. Важно, однако, что и сторонники нынешнего российского режима, и его противники исходят из того, что между Египтом при Мубараке и сегодняшней Россией немало сходства.

Ы
В
Р
О
С
С
Ы
З
С
Ы
Д
О
А
П
Х
Ы
В
О
А
И
М

ТЩЕТА И ЛОВЛЯ ВЕТРА

Возникает искушение завершить обзор цитатой из Екклесиаста: все – тщета и ловля ветра. Действительно, умножаются свидетельства того, что политические элиты и России, и Европы, и США не в состоянии выйти за пределы установившихся представлений и стратегических формул, все менее отвечающих меняющимся реальностям мировой политики. А изменения нарастают и приобретают угрожающий характер. В частности, эксперты уверены, и, скорее всего, вполне обоснованно, что *центр* международной системы перемещается в Азию. Это вызывает в памяти одно из наиболее темных мест «Преступления и наказания», известное как *сон Раскольникова*:

«Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. ...Все и все погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше».

Ох, и непростой человек был Федор Михайлович! Ведь не азиатский же грипп он имел в виду.

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ХРОНИКА ОБЪЯВЛЕННЫХ СМЕРТЕЙ

Итак, началось. Теперь уже вряд ли кто-то будет спорить, что наконец-то начался обещанный *новый мировой беспорядок*. Начался, как обычно начинаются наши исторические эпохи, внезапно. Просто пружина, годами накапливавшая напряжение, внезапно распрямилась.

О минувших четырех-пяти месяцах писать и легко, и сложно. Легко потому, что не вызывают сомнения ключевые, формо- и системообразующие события рассматриваемого периода. Бесспорно, это и начало процесса открытой нестабильности на Ближнем Востоке, и несколько новая геополитическая ситуация на Дальнем Востоке, которая напрямую затрагивает интересы и безопасность России, существенное, если не сказать – резкое, осложнение политической ситуации в нашей стране и введение в действие договора о сокращении стратегических наступательных вооружений. Эти события лежат на поверхности, они многократно и с различной степенью глубины откомментированы, их последствия проанализированы. И все, что остается нам, – это попытаться понять, с одной стороны, контекст, в котором произошли эти знаковые события, а с другой, попытаться понять логику происходящего.

КОНЕЦ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА, ИЛИ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЭПОХИ WIKILEAKS

Однако есть нечто, мимо чего пройти невозможно в принципе. Думаю, будет почти банальностью сказать, что скандал вокруг утечек с сайта *WikiLeaks* показал всему миру, что такое мировая дипломатия времен интернета и глобализации. Нет, конечно, все профессионалы неплохо представляли себе степень транспарентности – в плохом смысле этого слова – дипломатических и в целом внешнеполитических процессов. Для этого не нужны были *WikiLeaks* – достаточно было читать новости, когда чуть не каждый день сообщают об утечках информации, хакерах, кражах или потерях компьютеров с секретными данными и тому подобных событиях.